

(660)
29 марта 2012 года

Единое силовое поле
духовного мира.

Музыкальные картины
путешествующего поэта.

Победят ли нас
пошлость и ханство?

впечатления Деньги из воздуха

Не любить рекламу - современное поветрие. Чертыхаясь, мы щелкаем кнопками телевизора, как только начинается очередной рекламный блок, ловиво перелистаем странички журналов и газет с рекламными текстами и картинками. И все же понимаем: современный мир без рекламы невозможен. Это воздух бизнеса, а значит, и наш. Книга **Алексея Иванова «Волшебный пиннок, или Как рекламироваться бесплатно»** (издательство «Библиос») адресована, конечно, в первую очередь специалистам, но, ее, думаю, с удовольствием прочтает любой. И дело не только в том, что написана она легко, с юмором, с убойными примерами из опыта разных стран, но и в том, что она исключительно полезна, дает простор фантазии, наметает пути поиска, подкашивает верные шаги. К тому же всегда интересно знать, что и как происходит там, «за кулисами», «на съёмочной площадке», «на кухне».

«Волшебный пиннок» продолжает тему, которую автор начал в «Бесплатной рекламе», получившей высокую оценку специалистов. В предисловии, написанном одним из таких специалистов - Александром Федуровым, отмечается, что новая книга для опытного бизнесмена - это своего рода «методичка», по которой проверяешь себя, а для предпринимателей с небольшим стажем - настольная книга, которая руководит к действию. Да и написан ее не кабинетный исследователь, а практик рекламы и маркетинга. Кстати, слоган его креативного агентства: «Обгоним ваших конкурентов в умении думать, а не тратить!». И он тоже говорит о многом.

Однако оставим практические советы, предложения и выводы для специалистов, отметим, как говорится, общие замечания. Например, о журналистике и информации. А. Иванов приводит определение журналистики, данное английским писателем начала XX века Гилбертом Честертоном: «Журналистика - это искусство наблюдать о том, что лорд Джон умер, людям, которые не знали, что лорд Джон жил». Автор «Волшебного пиннока» полагает, что информация будет интересна, если она для вас нова, но в то же время как-то связана с тем, что вам уже известно. А для рекламных и пиаровских текстов это своего рода золотое правило. И при этом не стоит забывать еще и о том, что не стоит говорить всего, что знаешь. Некоторая загадка, тайна должны присутствовать всегда.

Жизнь скучна, если человек не умеет смотреть и видеть окружающее каждую минуту, если не умеет наблюдать, если заблуждается, полагая, что он уже все видел, если не умеет радоваться изменениям, делать открытия в привычном. Автор призывает: «Жадно интересуйтесь областями, далекими от вашей профессиональной сферы. Проанализируйте полученные знания. Заимствуйте идеи, которые вам понравились. Приспосабливайте чужой опыт к собственной ситуации». Ваша жизнь и жизнь вашей компании будет куда интереснее, если вы станете страстным коллекционером идей, будете постоянно пополнять свой запас маленьких хитростей. Помните: чужие творческие решения - это магнит для собственных идей. Включите его на полную мощность.

По мнению А. Иванова, цель книги - научить рекламировать бизнес без денег. Прочитав ее, можно узнать, например, почему на визитке помощницы Уоррена Баффета отсутствовал номер телефона. Или какой бесплатный прием рекламисты могут позаимствовать у Голега? Почему в XX веке Россия недополучила около десяти Нобелевских премий по физике и какое это имеет отношение к бесплатной рекламе?

Но почему - «Волшебный пиннок»? Да потому, что идея, предельно вкратце, помогут вынести ваш бизнес на новую орбиту, помогут, как говорится, сделать деньги из воздуха, заставят по-новому взглянуть на мир, выйти из сонного состояния.

Александр ЕГОРУНИН.

Русский визионер, таджикский дервиш...

силуэты

Русская поэзия и проза находятся в непростых отношениях.

Как некие непримиримые партии, они всегда готовы оттолкнуть друг друга, поиграть друг у друга на нервах, задвинуть за шкаф, в угол. Но иногда проза и поэзия сливаются в единый образно-стилевой поток. Переплетаются, заимствуют друг у друга приемы и программы. Чтобы потом опять резко разойтись в разные стороны.

Совсем не то у Тимура Зульфикарова. Давно не доводилось встречать, чтобы поэзия с такой естественностью использовала возможности прозы, а потом, поднабрал «земного» материала, перемещалась назад, в излюбленные места обитания: в космос, в листья травы, в ошеломительные деревья...

Такое искусство перемещения из одной стихии в другую, из прозы в поэзию зависит прежде всего от сюжета и образного строя написанного.

А ведь сюжет в поэзии совсем не то, что сюжет в прозе!

Юрий Лотман писал: «Поэтические сюжеты отличаются значительно большей степенью обобщенности, чем сюжеты прозы. Поэтический сюжет претендует быть не повествованием об одном каком-либо событии, рядовом в числе многих, а рассказом о Событии - главном и единственном, о сущности лирического мира. В этом смысле, поэзия ближе к мифу, чем к роману».

Пропасть между поэзией и прозой Зульфикаров преодолевает на удивление легко: ведь функцию сюжета у него выполняют именно мировые образы, которые для поэзии уже слегка рутинны, но резко и широко охватывают прозу! Особенно ту ее часть, которую нам пытаются навязать как переиужную новизну и которая является попросту унылой документалистикой и при этом, подобно старым заскорузлым бинтам с запекшейся кровью и засохшим гноем, все грубей стягивает, а иногда - попросту омертвляет плоть русской художественной прозы последних семи-восьми десятилетий.

Преодоление разрыва между прозой и поэзией помогает и древнеперсидское начало, которое слышно во всех произведениях Зульфикарова и которое напоминает нам о временах, когда проза и поэзия были единым силовым полем нашего духовного мира...

Определение поэты и поэзии часто не имеет разумных критериев.

Чернышевский считал Афанасия Фета образцом бессмысленности.

Мне доводилось слышать мнения о том, что поэзия Тимура Зульфикарова - одна нескончаемая песня акына.

И суждение Чернышевского, и суждения современных его учеников проистекают из так называемого здравого смысла. А он неприменим к высокой поэзии. Да и к высокой прозе тоже. Но! Здравый смысл всегда оказывал и оказывает влияние на обывателя, на издателя, на чиновника, затемняя или уличая (иногда на годы, иногда на века) значение того или иного явления в искусстве и литературе.

Так было с поздними стихами Пушкина. Так было с Хлебниковым и Андреем Платоновым.

Скорее всего именно этот гадковатый здравый смысл, о котором блестяще писал все тот же Ю. М. Лотман, стал причиной того, что семиклассник Зульфикарова мелькнуло тихо, развилось в грохоте и визге последних лет незаметно. Так прощай краем дальняя гроза, чтобы вернуться и захлестнуть громом, ливнем...

А ведь в этих семи томах, изданных «Художественной литературой», было что заметить!

От притча про Амира Тимура и Ходжу Насреддина - до зарисовок об Иване Грозном и Сталине, от сияющих высот Памира - до Дмитровских подмосковных холмов, от православных храмовых ниш, которых можно встретить повсюду в Средней России, - до суфийских дервишей, которых наш поверхностный взгляд так часто путает с таджиками-дворниками, - с севера на юг и с запада на восток раскинулась великим крестом проза-поэзия Зульфикарова.

Когда начинаешь читать тома Зульфикарова подряд, по очереди, создается впечатление: тут действительно одна

песня! Но не песня, состоящая из простого перечисления того, что видишь. А нескончаемая песня о радости земного бытия, чуть направляемая теми или иными событиями, чуть обновляемая меняющимися по ходу текста одеждами - фигурами героев.

Но не так ли один и неразрывный Великий Поток Бытия, великий и непрерывный Ход Вещей, который только на первый взгляд членится на информационные крошечки и нескончаемые иглы новостей?

В таких вещах Зульфикарова, как «Земные и небесные странствия поэта», «Книга детства Иисуса Христа», «Русские всадники Апокалипсиса», «Смерти нет...», и других есть немислимые повороты мысли, есть отчаянные кульбиты и повороты сознания. Есть и - пусть не рядом, но в одном тексте - далековатые, но вымгивающие мир единосущным сближения:

Индийский караван мой шел через Персию Царей Аршакидов...

А у костра Звезд сидел Пророк Зороастр...

И Пророк Зороастр, пророк огня и загробных птиц, сказал:

- Иисус, Отрок! Я ждал Тебя и узнал Тебя!..

И вот караван ушел от Костра Зороастра и пришел в Индию, к Священному Дереву Ботхи...

И там, во блаженной дреме, в еще земной, но уже небесной Нирване, восседал Шакья-Муни Блаженный Будда...

Иисус вздрогнул, когда Будда говорил о Кресте и о том, что Он сын плотника.

Значит, Он видит прошлые дни и грядущие...

В общем - хоть стой, хоть падай. Или перечитывай, чтобы упасть, подняться и запеть вместе с автором...

Постепенно становится ясно: главный принцип построения всех произведений Зульфикарова - свободный переход от четкой мысли к свободному бегу ассоциаций. При этом ассоциации не являются простым орнаментом, ненужным развлечением или раскрашиванием мысли! Они продвигают мысль - в интонационном, музыкальном и экзистенциально-молитвенном аспектах.

И еще. В таких произведениях, как «Книга притч Ходжи Насреддина», «Сталин и Ходжа Насреддин» и многих других, есть золотое и ныне почти утраченное нами качество: восстановление жизни через высокий миф, а не через лживость тщательной обрешанной и отретушированной фактографии!

Названные только что вещи - не романы в полном смысле слова. Они скорее продолжение великой пушкинско-байронской линии романа в стихах, который теперь пишется прозой. По сути перед нами - роман-миф.

Миф - хорошее слово. Его просто удаляли все тем же здравым смыслом, ведь он один только и доступен следователям по особо важным делам, которые завелись у нас в литературе. Эти прокуроры писательского дела обогнали Миф как раз с точки зрения здравого смысла, потому что именно он присущ псевдотворцам без крохи воображения.

Но ведь и вся наша жизнь - миф! Кроме того, ни Богу, ни мифу наша скудная человеческая воля не слишком-то нужна. А нужны мифы, космосу, Богу и нам самим (во всяком случае в наиболее важные моменты жизни) - наши души. Нужна история людей и их поступков, а не история событий, история протоколов и вымышленных подзаконных актов!

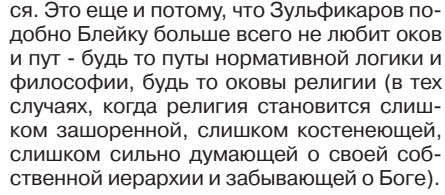
У же говорил о том, что семитомник Зульфикарова прошел беззвучно.

Этим грозным беззвучием, составляющей частью природы и влияющим на нас больше, чем откровенные крики, Зульфикаров напоминает Велимира Хлебникова. То же углубление в суть вещей, те же надписи на «досках судьбы» (правда, у Зульфикарова они называются по-другому), тот же интерес к корневому вопросу философии и то же бормотание, которое предвещает следующей за ним завораживающей речи.

Но еще сильнее Зульфикаров напоминает мне английского визионера, поэта и художника Уильяма Блейка: та же таинственность, столько же взвихрений и уходов в непостижимые области бытия, та же «ликующая странность», та же простота жизни и высота помыслов.

Блейка долго не воспринимали в Англии ни как поэта, ни как художника. И только в XX веке Уильям Блейк был осознан многими как настоящая и едва ли не единственно подлинная икона контркультуры.

Схожая ситуация с Зульфикаровым. Его видения будущего России и мира сейчас чаще отвергаются, чем принимаются. Это еще и потому, что Зульфикаров подобно Блейку больше всего не любит оков и пут - будь то пути нормативной логики и философии, будь то оковы религии (в тех случаях, когда религия становится слишком зашоренной, слишком костеневшей, слишком сильно думающей о своей собственной иерархии и забываящей о Боге).

И последнее наблюдение.

Тимур Зульфикаров не только с редкой естественностью соединяет прозу и поэзию. В последние годы он представил целый свиток публицистики, написанной прекрасной русской прозой, с затейливо изгибающимися змейками стихов на концах.

Совсем недавно в «Литературной газете» была опубликована такая новая его вещь, написанная ритмической прозой.

Название - «Тринадцать огненных коней».

Подзаголовок - «Что необходимо делать немедленно в России».

Цитировать эту вещь бесполезно, она нелегка, и читать ее надо целиком. Но одно могу сказать точно: ритмичность здесь ведет к точке религиозно-экстаза. Ну, а через экстаз мир постигаешь глубже, чем через дидактико-партийные нравоучения.

Эти публицистические вещи последних лет - некоторые из них вошли в семитомник, а другие написаны только сейчас - прекрасно дополняют и расширяют творческий метод Тимура Зульфикарова. Собственно говоря, именно в такой манере говорили те, кто хотел быть услышанным во все века нашей скорбно-величавой земной истории. Самые злободневные события дня провидишь и предтечи вливали как новое вино в нестареющую форму публицистических притч.

Давно и позла было такого семикнижия. Да и пона, безумствующего в прозе и хлещущего по лицу поэтической публицистикой, я тоже что-то припомнить не могу.

Так же, как до конца не могу и определить, кто же он все-таки: русский визионер, персидский дервиш, странствующий философ, плывущий по рекам великого воображения? Поэт Евразии, прозаик мира?

Во всяком случае только он один мог написать такие строки в конце своей «Книги Детства Иисуса Христа»:

Насреддинский весенний оливковый смуглый

двухтысячелетний ветер-ветер

Веет в душу мою среди русских снегов...

Лепесток снежной Насреддинской розы

лежит на моем столе...

Теперь и на моем столе - тоже.

БОРИС ТЖБЕВ.

Кардиограмма странствий

ПОЭЗИЯ

Я пишу это в больничной палате. Позади восьмичасовая операция на сердце, два дня полубреда-полузабытья и десять дней медленно-возвращения к реальности.

Возвращение разума и пробуждение желаний похоже на подъем в горячей черной трубе (черти зазевались, забыли закрыть заслонку?..): упираясь в стенки ногами и руками, скользя на толстом слое сажи, задыхаясь от жара, обливаясь потом и отчаянно лова струи воздуха, чудом долетающие из жерла трубы...

...Удалось.

Это был ад. Зачем я все это затеял? Зачем дал себя уговорить? Не проще ли было умереть, как другие: например, на рабочем месте, в кругу сострадающих коллег, или дома - во время праздничного застолья, под взыскательные выкрики, слезы и стук каблучков...

Впрочем, это уже мемуары. Или роман. А в блокноте, устроив его на коленях, пишу рецензию. Собираясь в недалекую, но долгую дорогу, по привычке положил в сумку книжку. Это был сборник стихов **Евгения Чигрина «Погонщик»**, (издательство «Время»). Его передал буквально за день до отъезда в больницу - маленький, легкий, отчасти это и определило выбор.

Где-то слышал, что поэзия - это кардиограмма души. Теперь хорошо представляю: полоса графеной бумаги с несколькими кривыми: зигзаги ударов сердца... Лента совсем небольшая, в полметра, а включает всю «тайную» сердечную жизнь - прошлую и теперешнюю. Если бы была возможность отсканировать таким же образом мозг, даже у ребенка лента длилась бы километры... Вот почему поэтические книжки так легки и компактны.

В сборнике четыре небольших раздела: «Островные земли», «Колониальные песни», «Смычковая музыка» и «Подводный шар». В нем нет стихотворения под названием «Погонщик», но приведенная строка из него: «Там всадник фиолетовое сбросил...» в качестве эпиграфа к стихотворению без названия: «...Луна сургуном нависает над пальмой./С которой совсем не рифмуется дальний/Пейзаж, что венчает мечеть?».

Главная тема сборника - путешествия лирического героя, его перемещения во времени и пространстве. Ассоциации, чувства, слова... Не это ли и есть краткая история жизни? Отклик сердца на цвет, на запах, на линию моря?..

Стихи Чигрина необыкновенно цветисты - именно такое слово нужно здесь употребить, потому что это не просто краски, это вихрь цветов, оттенков, тончайших полутонов, которые может рождать живая природа и которую видит только пристальный и поэтический взгляд...

...Лицо волны, от солнца золотое...

...И море в луже клювеной зари...

...Два зверя пьют мареновый закат...

...Весь княжеский в тывеном цвете...

...В светящейся охре глаза...

...Мореплаватель колер в словах...

...Желтый Восток распахивает косички залива...

...На свет Востока с пенкой золотое...

Это - штрихи, мелкие пометы к пейзажам, образам. И их можно цитировать долго. В стихотворении «Слученный вечер», помеченном эпиграфом «На полях альбома Поля Гогена», круговорот красок обретает судбоносное, трагическое звучание:

«...Смотри, с холста стекает, весь в крови,/ Большой закат, смущая зелень веток...»

Полю Гоген встречается на страницах сборника не раз: «...Как до хижин Гогоновых мне далеко!», «Укрыться бы в гоговскую глушь...», «Склякою хочешь могу как придурок смотреть.../ В фигури, в каие Гоген/Превратиться сумел...» Биография человека, решившего бросить все ради свободы и искусства, стала примером горькой и одновременно счастливой судьбы.

В ряду упомянутых в «Погонщике» художников (а их наберется десяток) - Константин Богаянский, писавший крымские и другие южные пейзажи. Его картины - таинственные, фантастичные и в то же время проникновенно лиричные - лучше всего, на мой взгляд, передают визуальную, зримую сторону стихов Чигрина: «Видения, смотрящие в здем,/Да корабли, да ангельскую крышу,/Все тайны Киммерии, что к нему/Стеклися на холст, всю фантастичность Каффы,/Весь этот свет, всю золотую тьму,/Деревья, как чудные голлафы...»

Путешествующий внимателен не только к картинам природы, цветам и оттенкам живого, для него важен предметный - осязаемый, обоняемый мир. Его он тоже стремится разглядеть, запомнить, сравнить с чем-то, что уже знакомо. Часто это чьи-то стихи или музыка.

«Зреба мрак густой (строка **Константина Батюшкова** - сноска Чигрина)/И небезжизненный/Такою неигрой/Я спрятан от других», «...В кофейнике Бунин и Имен...», «Да пилигрима Чехова слова/Закусываю солнцем, кратким здесь,/Да клонится в дремоте голова,/В которой экзотическая смесь...», «Спит в Калькутте сумрачная Кали,/в старом Дели расцвели

ЕВГЕНИЙ ЧИГРИН
ПОЭТ

ашоки.../Вся Москва в молочно-белом сари,/ померанцем отливает щеки», «Всё гугуливым «варится», всё бдит/Бугаевым - молочным африканцем...»

Целый раздел в сборнике, как я отмечал, посвящен музыкальным картинкам путешествующего поэта. С помощью звуков автор погружается в толщу времен. «Воспоминание под музыку Сент-Коломба» (композитор жил в 1640 - 1700 гг.), «Первая фантазия по мотивам Марена Маре» (1656 - 1728 гг.), «Теплую осень с Джузеппе Тартини - Я доживаю...» (1692 - 1770 гг.), «Уильяму Лоусу, средневековому мечтателю и музыканту» (1602 - 1645 гг.), «John Dowland» (1563 - 1626 гг.)... Все композиторы, чьим творчеством увлечен Евгений Чигрин, жили примерно в одно время, в одну эпоху. И это не Средневековье, как сказано в названии, это позднее Возрождение, уже почти Новейшая история. Принципиально это потому, что творчество философов, художников, композиторов того времени явило литературные и изобразительные образцы возмущения человека, его разума. Человек обретает счастье в познании мира, становится богоподобным, утверждали гуманисты Возрождения. За этими идеалами и отправляется по волнам музыки герой. Но ищет он, конечно, не абстрактный гуманизм, а то, что приближает к Богу, к Совершенству, к Сущему...

«...Вдыхают квартал бархатные гамбы./ Так обдают, что невозможна речь./Пока смыхано над формой грушевидной/Мерцает в стько, а может, больше свеч.../... Так обдают, что непонятна жизнь/ Без ощущенья Господа над нами...»

«...В минувшем - марево-туман./ Пробеги, пятнышки, как будто/ Потеря памяти? Ещё/ Глоточек этого барокко./ Так в купе щедро и нищо./ И словно к Сущему немного/ Я ближе с пастырем таким - Рыжеволосый Лучо?..» (Антонио Лучо Вивальди, 1678 - 1741 гг.)

Переключая поэтов, художников, композиторов в книге «Погонщик» вводит читателя в обжитой мир ассоциаций, образов, смыслов вещей и их связей. И в этом качестве поэзия Чигрина - плоть от плоти классической русской традиции романтического, высокодуховного странствия. Где в дальних дорогах познаются в первую очередь ценности не материальные, не вещные, а обретается смысл человеческого существования. Происходит это порой надрыдно-топскило, больно, в каком-то полубреду... («И довершая губы бурдюку,/ животное насильство стихами./ В которых превидения текут/ из уст ифрита прямо в фидроуси...») Но такова природа сердца: оно много чувствует, но не всегда понимает. И потому поэзия вообще часто иррациональна... Это не извлекли и стихи Чигрина. Глаза, слух, память обострены порой до предела, а мир остается непознанным, враждебным, темным... Как ракушки под рукой на морском берегу: вся вселенная, кажется, в них, а поди разгадай, уноси судьбу каждой...

Что же, между тем, делает стихи Чигрина глубокими и волнующими? Это то, что поэт вложил в название сборника, - погонщик. Этот дикий персонаж никого не гонит, он только показывает дорогу. За погонщиком идут не от того, что за ним стоит сила, а потому, что он единственный знает дорогу. В эпиграфе стихотворения «Сахара» удивительно точная мысль: «В пустыне только кажется, что ты смотришь вперед, а на самом деле ты смотришь в самого себя». Действительно, там, где ничего вокруг увидеть нельзя, там взгляд неизбежно обращается внутрь, к душе, к сердцу - к зубцам его ударов, кривым ритмам...

Стихи Чигрина ведут, подводят к ответам на вопросы: зачем живем? За что страдаем? на что надеемся... Ответы не однозначны, но направление поиска понятно. Еще одно открытие на жизненном пути - страны ли, картины, музыкальные песни, книги - это возможный ответ на вопросы, к чему и зачем идти.

Владимир СКОРОБОГАТКО.

Исповедь словом и делом

детектив

Для любителей мистического детектива роман «Дневник сорной травы» (издательство «АСТ») значит очень много.

Впрочем, как и любая книга **Натальи Солнцевой**, легенды этого жанра. В переводе с латыни legenda - то, что надо читать. И произведения Солнцевой отвечают этому вполне.

Важно не просто написать книгу, лишь бы обратить мысли в слова и сбросить текст на бумагу или в электронный файл. Главное - стать для читателя увлекательным рассказчиком, душевным собеседником, близким другом. Сделав для читателя книжный мир своим, дневником о собственных «мгновениях страсти и нежности».

«Дневник сорной травы» - это книга исповедий. Мрак души безграничен, так же как и ее свет. Тяжелые, наполнен-

Наталья Солнцева
Дневник сорной травы

ной юности, распоряжается жизнью и смертью. Тех, у кого хватит смелости произнести в своих заклинаниях ее имя, Геката одарит любовью... чувством, не способным убивать и насмехаться, «В любви нет зла. Просто это слишком сильный огонь для незакаленных душ».

Есть ли среди исповедий героев откровение самого автора? Возможно...

«Дневник сорной травы» - вторая, заключительная, книга дуэтомника «Сады Кассандры». Название первого романа - «Не бойся глубины» - символично. Чтобы узнать любовь, единственный нектар бессмертия, нужно окунуться в нее с головой. «Только Любовь всеиспала. Только она может все дать или всего лишит». В противном случае существует опасность блуждать тенью в садах Кассандры, став жертвой собственных иллюзий...

Нина ГУЩИНА.

НОВИНКИ ИЗДАТЕЛЬСТВ

«Азбука», «Азбука-Аттикус»

Измайлов Наиль. Убыр.

Роман. 320 с.

Конде Альфредо. Тайна апостола Иакова. Роман. Перевод с испанского О. Зерновой. 352 с.

Макнаб Энди и Гримсдейл Питер. Русский Роман. Перевод с английского О. Ратниковой. 384 с.

«Домино, Эксмо» Калифорния Джон Давид. Вечером во ржи. 60 лет спустя. Перевод с английского Е. Петровой. 352 с.

«Иносатранка», «Азбука-Аттикус» Альтегген Карин. Стэд. Роман. Перевод со шведского Аси Лавруши. 368 с.

Грюттен Фруде. Плывущий медведь. Роман. Перевод с нор-

вежского А. Штыркова. Серия «Лекарство от скуки». 272 с.

«Круг» Старков Виктор. Гудящие над Русью небеса. Из десяти книг поэта. Составитель З. С. Старкова. 160 с., ил.

«Летний сад» Беззелянский Юрий. Серебряные трели судьбы. Звезды ретроспективы Америки, Франция, Россия. 340 с., ил.

«Махаон», «Азбука-Аттикус» Гришковец Евгений. От жизни к жизни. 432 с., ил.

«Эксмо» Волынская Илона, Кашев Кирилл. Жрица голубого огня. Роман. Серия «Сивир». 416 с.

Канес Саша. Мои мужчины. Роман. 288 с.

Маринина Александра. Бой тигров в долине. Роман в 2-х томах. Т. 2. Серия «Королева детектива». 352 с.

Наумов Дмитрий. Быть здоровым легко! 160 с.

Гармаш-Роффе. Укрыться в облаках. Роман. Серия «Высокое искусство детектива». 320 с.

Очаковский Мария. Экспонат руками не трогать. Роман. Серия «Татьяна Устинова рекомендует». 352 с.

Оливер Лорен. Делриум. Роман. Перевод с английского И. Русаковой. Серия «Жесткие игры». 464 с.

Полякова Татьяна. Вся правда, вся ложь. Роман. Серия «Авантюрный детектив». 320 с.

Соловьев Владимир. Империя коррупции. Территория русской национальной эгры. Серия «Соловьев Владимир. Провокационные книги известного ведущего». 288 с.

Соломатина Татьяна. Естественное убийство-2. Подозреваемые. Роман. Серия «Акушер-Хал Проза Т. Соломатиной». 320 с.

Трауб Маша. Семейная кухня. Рассказы. Серия «Проза Маши Трауб». 288 с.

Домик в деревне

проза

Юрий Леонов в свое время обошел едва ли не весь Дальний Восток - от Чукотки и Камчатки до Курил и Сахалина не просто с туристским рюкзаком и восторженным взглядом, а обошел эти бесконечные пространства с журналистским, писательским блокнотом, стараясь понять, запомнить, а главное - найти слова и записать. Вряд ли он понимал в те молодые, счастливые свои годы, наполненные ветрами, морями, тайфунми и буранами, вряд ли он понимал тогда значение для самого себя этого затянувшегося на годы путешествия. Это была не только профессиональная, журналистская, писательская школа, это была школа жизни. У него и сегодня в ушах свист курильских ветров, он и сегодня свист смешного московского дождика слышит с лица брызги пролива Лаперуза.

Этот чувствуется по его новой книге «На краю Мещеры» (издательство «Голос-Пресс»). На обложке маленький домишко, окруженный деревьями, стены которого сложил писатель, стоит, чувствуется, на взгорке, внизу речушка, у ног высокая трава, над головой ясное небо с легкими облачками и бескрайняя, до горизонта, рязанская ширь. Прочитав книгу, могу сказать - все это есть на ее страницах. И ясное небо, и домишко, и речушка, и та Россия, о которой мы не читали со времен Бунина, Пришвина, Паустовского. И чтобы увидеть все это взглядом свежим и восторженным, взглядом восторженным и чистым, надо, все-таки надо было оставить за спиной и чукотские снега, и сахалинские сопки, и курильские туманы.

А потому я снова и снова возвращаюсь к дальневосточным дорогам Юрия Леонова, что и сам в молодые, глупые свои и счастливые годы прошел по некоторым его дорогам, только по некоторым. Но и о сахалинских сопках, курильских туманах, льдах Охотного моря, серых, бандитских волнах пролива Лаперуза могу говорить с полным на то основанием.

«Перекрестик удалось в компании рыхлых запасливых муравьев, на берегу едва народившегося в топкой елани ручья. Настоянная на отмерших травах вода отдавала горьковатой свежестью и прохладой. Яркие люди сочили сквозь хвою, загибая вдоль лоцин медовые блестящие калужки. Высоченные сосны сторожили обещающее безветрие, пропитанное запахами гриб-

ной прели, пронизанное пересистом птиц... А праздника души не было и в помине. Не верилось в эту осененную красотами леса благодать, едва отойдя от бескровной, доживающей свой век деревеньки».

Этот из книги Юрия Леонова. Может быть, кто-то со мной и не согласится, но подобного качества строки я встречал только у наших классиков, уже упомянутых мною Пришвина, Паустовского... Кстати, когда Паустовский написал свою книгу о Мещере, Пришвину это очень не понравилось, и он сделал Паустовскому весьма строгое замечание. «Что ты наделал, - вскричал он в гневе. - После твоей повести тыши людей хлынут в эти места и вытопчат красоты, которые ты описал столь ярко и талантливо!»

Мне кажется, что подобного же строгого внушения заслуживает и Юрий Леонов. Цветные снимки, вкрапленные в текст этой книги, только подтверждают это мое подозрение. Правда, многое изменилось в нашей жизни, и маленькие деревянные дома привлекают уже не столь многих, как пятьдесят лет назад. Люди теперь стремятся строить дома, по сравнению с которыми уже барские усадьбы позапрошлого века кажутся деревянными домишками.

И опять я принимаю к тексту, к тем страницам, где автор пишет о давней своей мечте - домике на берегу реки, и что лес был невдалеке, и что грибы и ягоды, и что осенний листопад, и что весеннее пробуждение, и летоход... С замечанием сердца я добирался до странички, где Юра пишет о покупке, о строительстве, о том, что писал он эти строки с таким же волеванием. А потому не мог не написать их плохо, сухо, небрежно. У меня такое впечатление, что Юрий Леонов вообще не может писать сухо и небрежно, потому что пишет он только о том, что волнует его, тревожит, о чем он не может молчать. Из-под его пера выходят не просто профессиональная проза, каждый раз оказывается, что это как бы всплеск боли, радости, торжества или поражения, удивления или восторга.

Книга состоит из маленьких рассказов, зарисовок, заметок, в которых он повествует о соседях - близких и дальних, - встречаясь с людьми на заливниках, лесных тропках, в автобусах, электричках. Кажется, что Юрий Леонов этими своими рассказами охватил едва ли не все население округа. Здесь и ветераны войны, старики, оставшиеся к исходу жизни в одиночестве, молодые женщины, дети...

Писатель вокруг своего домишки где-то на рязанских просторах составляет свой мир и населяет этот мир людьми, которых знает, с которыми встречался, с которыми случаются или случались раньше всевозможные происшествия. Но это не просто забавные случаи, каких можно довольно набрать в любой деревенской глуши. Это скорее летопись о последних днях умирающего на наших глазах деревенского мира. И рассказывает Юрий Леонов об этих людях с улыбкой - доброй, любящей, понимающей, сочувствующей. В созданном им мире нет пьянства, воровства, мордобоя, поджогов, поступков злых и мстительных. Его мир добр, участлив, даже улыбок. Рискну сказать - его мир счастлив, и он, автор, счастлив в этом мире.

Как мастер сильный и зоркий, Юрий Леонов не заблуждается, описывая свой деревенский мир добрым и справедливым. Но все-таки прорывается зло из окружающего пространства. В нескольких строках описывает Юрий Леонов страшный случай, когда озверевшая от беспробудной жизни проводница, обнаружив выпившего в мерзлые ступеньки вагона «заида» - парнишку, у которого не было денег на дорогу до райцентра, топчет ногами его замерзшие пальцы, пока они не разжижаются, - парнишка падает под колеса поезда. А проводница, торжествуя захлопнув дверь вагона, идет в теплое купе пить чай.

Каждая, самая маленькая главка говорит и об авторе. Рассказывает ли он о мужичке, который никак не может починить старую гармонь, о незадавшемся спасении старого дома, о картофельводе, жившем сто лет назад, - писатель о себе дает признательные, чистосердечные показания... И постепенно перед нами вырастает не только художественное произведение, но и личность самого рассказчика, его способность видеть не только происходящее событие, но и человека, с которым в данный момент все это происходит, его характер, стремления, взаимоотношения с окружающими людьми и окружающим миром.

А напоследок я скажу, - все-таки не выдержал Юра, раскрылся в конце книги, опять же не впрямую, но нашел способ выплеснуться!.. «И еще одна неоспоримо сельская благодать - тишина. Правда, дар сей, как все на свете, относительна. Если на окраине спозаранку еще можно услышать слух ворчаньем пчел в цветущем саду, то ближе к центру сел, а здесь в каждом втором дворе автомобиль, с восходом солнца все звуки заглушает рев моторов.

Наш дом - на кругогоре, у Оки, и на рассвете, после городского гомона, вкушаю тишину как божественное начало всех начал. Она челебна и очистительна, ее хочется пить и пить, наслаждаясь хрустальной чистотой раннего утра, когда под лучами солнца, крадучись, ускользают вниз по реке призрачные ключи тумана. Еще чуть-чуть, и из безмолвия прорвется птичий пересвист, далекий крик петуха... Дичь в жаркий полдень, когда замирает все вокруг и дремлет даже пастух, можно урвать чуток застойной, до звона в ушах тишины.

А на реке под покровом вслухающего тумана уже тайком раскидывают свои сети рыбаки, и обрывки их беглых разборок уносит с собой медлительное течение.

Ночь наступает, и, подчиняясь ей, отмирают вокруг все звуки. И если не заворчит у переката буссир, с натугой тянущий баржу, и залихватски не застисит ветер в щелях сарая, то, может быть, вновь станет слышно, как задумчиво курлычат, всплескивая у баена, струи воды.

Но, чу! Спустилась на землю ночь - время отдохновения. И вновь распостерла над нами свои крылья тишина - хранительница мира и спокойствия на родной земле-матери».

Я вовсе не уверен, что возникли бы у Юрия Леонова эти строки, не пройди он когда-то тысячи километров нехоженными дальневосточными тропами. А так у него есть возможность сравнить ту тишину, на берегу океана, с этой - на берегу Оки.

Юрий Леонов

Венеция праздников, невзрачность текущих будней обрезают на просмотр ТВ, от которого остается тяжелый осадок: неужели это и есть все, чем ныне богата наша культура: поющие трусики и «звезды», чей срок «любви цыганской короче» (А. Блок)?

Желчный, но пронзительный древнеримский философ Бозий презирал народную молву и вкусы за то, что не могли они отличить красоту и добро от пошлости. А сегодня, в эпоху тотального знания, можем ли мы отличить их, противостоять пошлости? Если З. Гиппиус в начале прошлого века предприняла, что в русской литературе происходит переход от «понятого» на понятном неопытному и непонятном», то мы б мечтали о таком непонятном, но сложном, высоком. Не хотелось бы цитировать (сатирик М. Задорнов делает это лучше) отрывки из современных песен, ибо виден явный эстетический диссонанс от восприятия их и песен, фильмов прошлого столетия. А ведь прошло более 20 лет, иль здесь «не бывает благодатных времен»? А может, сама культура, продавая себя за рюмочку похвалы (В. Розанов), попав в прокрустово ложе рынка и постмодернизма, ищет свои новые пути? И человек праздный (Т. Веллен) когда-то поневоле осознает: Simus ut sumus aut non simus - «остаемся как есть или перестаем вовсе быть». Или же как в советской песне: «Если долго мучиться, что-нибудь получится».

Не надо, уже получается, и неплохо! Засыле пошлости и откровенного хамства. Если француз Деллиль (XVIII в.) жался, что в литературу впервые ввел слово «корова» (обозначающее нечто низменное), а в 70-х годах прошлого века мат был уделом в основном эмигрантской литературы а-ля Ю. Алешковский и К^о или же маргинальных писателей. Сейчас же это даже не эпатаж, это modus vivendi современной эрзац-интеллигенции. И все это становится тотальным, общепринятым, чуть ли не обязательным (да здравствует цензура?). А дальше - по М. Хайдеггеру: «бытие с другими» полностью растворяет свое присутствие всякий раз в способе бытия «других». Мы наслаждаемся и веселимся, как люди веселятся и искусство, как люди смотрят и судят, но мы и отшатываемся от «толпы», как люди отшатываются; мы находим «возмутительным», что люди находят возмутительным... Эта срединность, намечая то, что можно и должно иметь, следит за всяким выбивающимся исключением. Всякое превосходство без шума подавляется. Все оригинальное тут же сглаживается как издвана известное (к вопросу о барьерах на пути на экран). Завота срединности обнажает... «уровнение всех бытийных возможностей». В этом мире все строится на стремлении стать «как все», поэтому оказывается, «что никто не тот, кто должен за что-то постоять».

В неподлинном существовании индивид оказывается жертвой видимости, воплощенной в повседневности, ему необходимо найти себя, проявить способность быть самостью, вырваться из банальной повседневности. Выходом из этого, убежден М. Хайдеггер, является голос совести. «Совесь вызывает самость присутствия из потерянности в людях», подталкивает к стремлению реализовать себя.

В своей книге «Ступени органического и человека» Х. Плеснер пишет: «Человек, не понимающий своей экзистенциальной трагедии, выходит

Чем заканчивается Родина?

Желчный, но пронзительный древнеримский философ Бозий презирал народную молву и вкусы за то, что не могли они отличить красоту и добро от пошлости. А сегодня, в эпоху тотального знания, можем ли мы отличить их, противостоять пошлости? Если З. Гиппиус в начале прошлого века предприняла, что в русской литературе происходит переход от «понятого» на понятном неопытному и непонятном», то мы б мечтали о таком непонятном, но сложном, высоком. Не хотелось бы цитировать (сатирик М. Задорнов делает это лучше) отрывки из современных песен, ибо виден явный эстетический диссонанс от восприятия их и песен, фильмов прошлого столетия. А ведь прошло более 20 лет, иль здесь «не бывает благодатных времен»? А может, сама культура, продавая себя за рюмочку похвалы (В. Розанов), попав в прокрустово ложе рынка и постмодернизма, ищет свои новые пути? И человек праздный (Т. Веллен) когда-то поневоле осознает: Simus ut sumus aut non simus - «остаемся как есть или перестаем вовсе быть». Или же как в советской песне: «Если долго мучиться, что-нибудь получится».

Не надо, уже получается, и неплохо! Засыле пошлости и откровенного хамства. Если француз Деллиль (XVIII в.) жался, что в литературу впервые ввел слово «корова» (обозначающее нечто низменное), а в 70-х годах прошлого века мат был уделом в основном эмигрантской литературы а-ля Ю. Алешковский и К^о или же маргинальных писателей. Сейчас же это даже не эпатаж, это modus vivendi современной эрзац-интеллигенции. И все это становится тотальным, общепринятым, чуть ли не обязательным (да здравствует цензура?). А дальше - по М. Хайдеггеру: «бытие с другими» полностью растворяет свое присутствие всякий раз в способе бытия «других». Мы наслаждаемся и веселимся, как люди веселятся и искусство, как люди смотрят и судят, но мы и отшатываемся от «толпы», как люди отшатываются; мы находим «возмутительным», что люди находят возмутительным... Эта срединность, намечая то, что можно и должно иметь, следит за всяким выбивающимся исключением. Всякое превосходство без шума подавляется. Все оригинальное тут же сглаживается как издвана известное (к вопросу о барьерах на пути на экран). Завота срединности обнажает... «уровнение всех бытийных возможностей». В этом мире все строится на стремлении стать «как все», поэтому оказывается, «что никто не тот, кто должен за что-то постоять».

В неподлинном существовании индивид оказывается жертвой видимости, воплощенной в повседневности, ему необходимо найти себя, проявить способность быть самостью, вырваться из банальной повседневности. Выходом из этого, убежден М. Хайдеггер, является голос совести. «Совесь вызывает самость присутствия из потерянности в людях», подталкивает к стремлению реализовать себя.

В своей книге «Ступени органического и человека» Х. Плеснер пишет: «Человек, не понимающий своей экзистенциальной трагедии, выходит

в мир обнаженным и беззащитным, он (человек) обречен быть объектом насмешек. Но есть спасение от этого - Искусство». Но искусство стоящее, настоящее, гуманное, а не эрзац-образцы, которые нам постоянно навязывают.

Екатерина II объясняла В. Хроповику, что де «оттого и погубила Франция, qu'ou tombe dans la crapule et les vices. Опера Буфф всех перевернула». Ведь действительно, история ничему не учит. Ведь так же вакханалия погубила Древний Рим (Э. Гиббон «Упадок и разрушение Римской империи» или некогда популярный фильм «Калигула») и Францию. Когда Париж стал центром «новизны», городом-символом, испанцами, эскимосами, Ж. Гобино отмечал, что «за городскими воротами начинается совершенно другой народ, с другими ценностями». Быть в Париже означало быть модным, салонным и светским. Вся Европа осуждала Париж за это, но хотела б заполнить у себя такое же и оплачивать труд французских наставников (мода на французских гувернеров и учителей музыки, танцев и т. д.). Не случайно аббат Галиани называл Париж европейской кофейней.

Мудрый Вольтер прекрасно выразил кредо новой эпохи: «Я емь тело, и я мысло, больше я ничего не знаю». Чем все это закончилось, мы знаем - появилась масса челяшай, вначале «поклонявшихся волхам», затем и их отбегших, «не чинки требует с актера, а полной битлы всерьез» (Б. Пастернак).

Конечно, и сейчас можно не видеть апокалиптических трендов, как пушкинский герой «плюнуть и поцеловать». Снобы сылаются на Шеллинга, что форма умирает, достигнув совершенства. Можно подождать, и это отомрет само собой. Можно! Сейчас все можно, дозволено все. А дозволено ли? Не упустим ли «мерцающую реальность бытия»?

Завершить хотелось бы предупреждением М. Володина:

Устами каждого воскликну я «Свобода!», Но разный смысл для каждого придам. Я напишу: «Завет мой - Справедливость!» И враг прочтет: «Попадешь больше нет»... Убийству я придам мянущую красоту, И в душе мстителя волется страстный бред. Меч справедливости - карающий и мститель! Отдам во власть толпе... И он в руках слепца Сверкнет стремительный, как молния разаций, - Им сын заколет мать, им дочь убьет отца. Я каждому скажу: «Тебе ключи надежды. Один ты видишь свет. Для прочих он потух». И будет он рыдать, и в горе врет одежды, И вать орудия... Но каждый будет глух. Не сетель сберег ключи колоч колоса. Принявший меч погибнет от меча. Кто раз испил хмельной отравы гнева, Тот стару палачом иль жертвой палача. А ведь это 1906 год!

Впереди образ Хама, массового человека, одомоленного человека. И что, все опять по кругу? Как писал Г. Белль, «устройство государства начинается с падения музыкальных вкусов. Включите свой телевизор, настройте музыкальный канал; чувствуете, как рушится Россия? Агамали МАМЕДОВ, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии коммуникативных систем социологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова.

Игорь Бутман в ожидании «Бесов»

КНИГИ В МОЕЙ ЖИЗНИ

Игорь Бутман - один из самых известных российских джазменов. Не так давно ему было присвоено звание народного артиста России. Мы встретились с Игорем, чтобы поговорить о книгах.

- Сколько себя помню, я всегда что-нибудь читал, - рассказывает Игорь Бутман. - Родители мне говорили, что надо читать как можно больше, и дедушка (Николай Ливанов - скрипач оркестра Мариинского театра. - А. С.), который являлся для меня большим авторитетом, учил меня тому же. За всю жизнь прочитано и не сосчитать сколько книг. Но есть книги, вошедшие в мою жизнь навсегда. До сих пор помню, с каким интересом я читал «Робинзона Крузо», как я तोпились сделать уроки, чтобы скорее вернуться к книге. Очень много детских воспоминаний связано и с лежавшей у нас дома огромной книгой «Фараон» Болеслава Пруса, с большими и красочными иллюстрациями. Затем в моей жизни появились Конан Дойл, Фейхтвангер, Проспер Мериме. В студенческие годы я открыл для себя Ильфа и Петрова, а «Мастера и Маргариту» мне дал почитать мой педагог. Так что с каждым этапом моей жизни связана какая-нибудь книга. В 2000-х годах я открыл для себя исторические книги Эдварда Радзинского. Прочитал его исследование о Сталине, Распутине, Николае II. Тема истории России меня сегодня очень интересует.

- А что вы сейчас читаете?

- Не так давно я перечитал «Братьев Карамазовых», сейчас хочу перечитать «Бесов». Эту книгу я читал когда-то давно, чуть ли не в школе. И даже не уверен, понял ли в ней что-либо или нет. Собираюсь про-

читать и ряд американских авторов. С удовольствием читаю мемуары артистов и музыкантов. Очень большое впечатление на меня произвели «Актёрская книга» Михаила Козакова, «Козел на Саксе» Алексея Козлова и книги знаменитого российского джазмена, уже много лет живущего в Америке, Николая Левиновского «Держи квадрат, чувак» и «Как вам нравится в Америке».

- У вас, между прочим, тоже имеется немало собитий, связанных в том числе и с Америкой. Не думаете ли выпустить книгу мемуаров?

- В принципе надо бы это сделать, пока я еще события тех лет хорошо помню. Рассказывать, конечно, есть что, но нет на это времени, да и усидчивости мне не хватает. А может, еще и не доср я до мемуаров.

- Бываете ли вы в книжных магазинах?

- Да, очень люблю в них заходить и восхищаться тем, что вижу сегодня. Хорошо помню, как выглядели и что собой представляли книжные магазины в советское время. Тогда какие-то хорошие книги можно было получить только по блату, а также сдав макулатуру или металл. Об этом все уже забыли. А сейчас я прихожу в книжный магазин и вижу огромное количество книг по всевозможным темам. К тому же изданных совсем на другом уровне, чем прежде, с потрясающей полиграфией.

- Полиграфия, да, улучшилась. Но, как говорят многие внимательные читатели,

уровень редактирования при этом упал. Никогда не обращали на это внимания?

- Тут, как мне кажется, некоторые просто с жиру бесятся. Все мы живые люди, и когда выходит много книг, естественно, работать становится сложнее. Появляются опечатки, небольшие редакторский брак. Но, согласитесь, это все-таки куда лучше той ситуации, когда книг выходит мало.

- Часто спорят, что лучше - настоящая бумажная книга или электронная. А что вы по этому поводу думаете?

- Мне больше нравятся традиционные бумажные, в них больше жизни. Хотя и букридером я тоже пользуюсь, особенно во время поездок. Это очень удобно, есть возможность выбора, загрузки новых книг. Помню, в первой моей электронной книжке был совсем небольшой запас книг на русском языке. И я с огромным удовольствием еще раз перечитал «Руслана и Людмилу» Пушкина, открыл для себя заметки Бонч-Бруевича про революцию и Россию до революции. Очень интересные материалы, меня поразили некоторые параллели между событиями тех дней и тем, что происходит сейчас.

- Кстати, можно ли провести параллель между джазом и современной литературой? Джаз возник примерно в то время, когда появился литературный модернизм - Джойс, Кафка. Преображение джаза после войны и в

50-е, 60-е годы совпало с появлением литератур постмодерна и так далее.

- Конечно, все виды искусства между собой определенным образом переключаются. Точно так же, как и сами музыканты, писатели пересекаются между собой. Вспомните знаменитые кафе на Монмартре, где собирались не только представители среднего класса, но и писатели, художники, музыканты. И я тоже общаюсь и дружу со многими писателями, актерами, вообще людьми искусства. Мы все одного поля ягоды. Поэтому и возникает переключки между современной живописью и джазом, академической музыкой и литературой. Это естественный процесс, творческие люди всегда между собой объединяются.

- Поэзия занимает какое-либо место в вашем чтении?

- Я восхищаюсь поэзией, но у меня никаких поэтических пристрастий. Я благодарен Михаилу Козакову за то, что он познакомил меня с творчеством Бродского. В течение нескольких лет мы выступали с ним вместе - он читал стихи, а я играл на саксофоне. Не могу сказать, что это было для меня что-то новое в плане музыки, но мне было очень приятно работать вместе с Михаилом Козаковым, стихи в его исполнении производили потрясающее впечатление. Это было невероятно интересно.

- Вам, наверное, приходится читать много специальной литературы?

- Нет, специальной литературы я читаю как раз не так уж и много. Практически все, что написано про игру на саксофоне и музыку, мне давно известно. И учусь, наблюдаю, как играют другие музыканты. Слуховой анализ музыки для меня куда важнее.

Александр СЛАВУЦКИЙ.

Случай не Растиньяка

впечатления

Молодой человек из провинции приезжает в столицу и заводит амур с богатыми женщинами - чтобы прожить. Это называется «возвел на цыпочки».

«Цыпочки» бывают разные. «Случай Растиньяка» описан Балзакком в романе «Отец Лимоно», им в споре попрекает любимого мужчину героиня одноименного романа Натальи Мироновой.

Хорошо и увлекательно читать сказки для взрослых! В романах Натальи Мироновой герои злые и добрые, все кончается хорошо. «Случай Растиньяка» (издательство «Эксмо») не исключение. Персонажи знакомые - адвокат Павел Понизовский, предприниматель Никита Склонов, актриса Юлямеря Королева, компьютерный гений Дана Ямольский. Автор хорошо знаком с историей страны: как Сталин отменил гонения на дворян, кто были первые дикторы Центрального телевидения, что за событие было названо «кровоизлиянием в МОСК».

«Я прочитал про Растиньяка. Ну и ни капельки не похоже. Растиньяк было напевать на родных, он думал только о себе», - совершенно справедливо укоряет свою любимую хороший, правильный мужчина.

Суть романа отразила его героиня Катя, когда по конкретному поводу загадочно процитировала Мандельштама: «О, нашей жизни скудная основа, / Куда как беден радости язык! / Все было встарь, все повторится снова, / И сладок нам лишь узнаваемый миг».

В центре сюжета запоздалая любовная история героев с неудачными браками и удачными абортными, тоской по нерожденному ребенку и проблемам живого пацана, рожденного школьницей от одноклассника.

Но в романе есть и нечто другое. По его ходу читатель получает что-то вроде художественного образования. В прогулках по Москве и ее музеям художника Екатерина Лобанова 32 лет ненасытно и последовательно рассказывает любимому Гермуну Ланге о кровавых расправах Нарышкиных и Милославских, доме Веневиной в Кривоколенном, Меншиковой башне.

В культурном воспитании Германа уместились и «Гнездо

глухаря» с Тимуром Шаовым, и галерея на Арбате.

Особое место в культурном образовании по праву имеет Третьяковская галерея. Началось с зала икон. Нам откровенно лики ничего не говорят, если не вдаваться в частности второго регистра. Большинство людей в те времена не знали грамоты, церковь заменяла им и театр, и газеты, и суд. Их взгляд был тренирован, они подмечали в иконах куда больше, чем мы. Иконы - своего рода комиксы, излагают историю в доступной неграмотным массам форме.

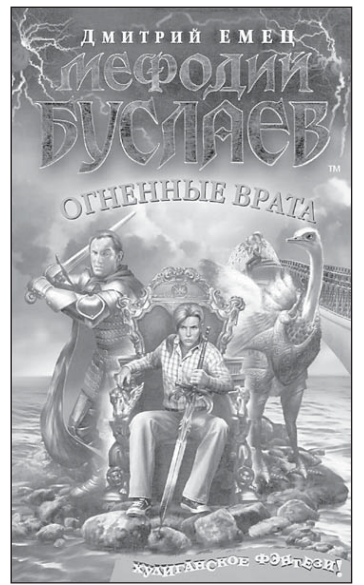
От икон перешли к паруснам - искаженное «персоны», то есть лица, первые портреты реальных людей, а не лики святых. В то же время в XVII веке иконы выродились, стали более декоративными. Святость получила живую оцифровку в разных вариантах Христа. Тут «Явление Христа народу» Иванова, «Христос в пустыне» Крамского, «В Гефсиманском саду» Перова.

Наталья Мироновой занимает полотню о боярине Морозовой. Тогдашний дефолт назывался «медным бунтом». Бунт был жестоко подавлен.

Герман так и не понял, как отличить хорошую картину от плохой. Ему стыдно было признаться, но он устал. Он привык к марш-броскам в полной выкладке, умел десантироваться под огнем и лезть по горам. Знал, что такое весты бой и не спать трое суток, а тут буквально падал с ног. Катя увидела и пришла на помощь: «Ходить по музеям - самая тяжелая работа на свете».

Художественное образование венчает фраза любимого учителя Кати Лобановой, народного художника СССР Сандро Элиавы: «Катенька, у вас есть способности. Пишите себе на здоровье, пишете, как видите, пишете, как пишется. Но я вас заклинаю: никогда не учитесь живописи. Будете учиться - начнете писать, как десять тысяч других художников. В вас есть искра божья, берегите ее».

Себя в числе родителей детей-читателей Гарри Поттера Катя называла «Гарримычней» - пришлось «поить по гарьевой дорожке», балбес ничего другого из книг не признавал, увлеклась компьютерными играми и в итоге стал лудоманом. Характерная сцена в магазине, где Кате пришлось оттащить сына от игрового автомата и шлепнуть его по щеке. Запо-

Битва за Огненные врата

фэнтези

Вышла в свет очередная книга серии «Мефодий Буслаяв» - «Огненные врата» Дмитрия Емца (издательство «Эксмо»). Теперь книга в этой серии уже пятнадцатая.

На сей раз главные герои произведения вынуждены охранять могущественный артефакт - Огненные врата, которые материализовались на Земле. Глава Канцелярии Мрака Лигул, желая отыграть за прошлое поражение, разработал гениальный план, в результате которого Огненные врата вернут в наш мир Кводнона -

самого коварного и жестокого темного правителя. Замысел удаστό, если кое-кто совершит маленький проступок, а еще лучше предательство.

Попав по различным форумам, я обнаружил, что подросткам нравятся книги Дмитрия Емца. Открыл книгу и прочитав две-три главы, стало понятно, откуда злышла такая популярность. Произведение написано легко. Причем начинать читать «Мефодия Буслаява» можно практически с любой главы, вложенные в нее уста златокрылых стражей Света.

И, наверное, главное, почему эти произведения пользуются популярностью у подростков: они - добрые. Сейчас, когда с

экранов телевизоров, а иногда и с мониторов компьютеров так и хлещут волны крови, даже взрослому человеку хочется отдохнуть от плохих новостей от бесконечных низкопробных российских сериалов. Так что я прекрасно понимаю детей - лучше читать захватывающее фэнтези, чем «наслаждаться» реальностью у телевизора. Да и чтение - весьма полезное занятие!

Май АЛЕКСАНДРОВА.

Прости, читатель, - цененую тему, боль войны и тяжесть супермена оставлю за кадром.

Лев МОСКОВКИН.